

Кожевников Н. Н., Данилова В. С.

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосов

ОСНОВАНИЯ И КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ РУССКОГО ЭПОСА

Аннотация. Актуальность исследования русского фольклора обусловлена тем, что до сих пор он в полном объеме не институализирован в литературу, кино, театр. В русской литературе нет, например, романов о Кощее Бессмертном, Иване-царевиче, героях славянской языческой культуры и многих других персонажах этого жанра. Между тем это глубокие колоритные образы, органически вписанные в не менее яркий контекст. О подобных пробелах писали многие великие писатели, например, Томас Манн. Целью является выявление основных типологических характеристик русского былинного эпоса, который на наш взгляд, исследован в этом смысле весьма односторонне.

Методологией является компаративистский анализ различных подходов (мифологических, исторических, структурных и т. п.), тесно взаимосвязанный с характерными чертами и структурой былин. При этом значительное внимание уделено гармоничному сочетанию различных мотивов эпоса: героев, калек-перехожих, эпического времени, языческих влияний, гиперболизации и т. д. Сделана попытка не принять, но учесть различные влияния на подобные исследования (дореволюционные, послереволюционные, навеянные марксистским походом, структурным анализом, который начал использоваться в исследовании русского эпоса начиная с 70-х годов прошлого столетия).

Русский эпос благодаря огромному количеству исторических, социальных, культурных связей естественным образом взаимодействует с эпосами республик (союзных и автономных), входивших в бывший СССР, что открывает широкие возможности для компаративистских исследований различных типов. Намечены пути для сравнительного анализа русского эпоса с эпосами восточнославянских народов, а также с якутским героическим эпосом олонхо.

Дальнейшие планы авторов предполагают продолжение исследования русского фольклора в жанре сказки и области культуры славянского язычества. Первый из них исследован достаточно полно, но структурный и системный подходы исследований необходимо развивать дальше. Культура же славянского язычества представляет собой малоисследованную область, где до сих пор нет устоявшихся подходов, а по многим вопросам существуют различные точки зрения. Здесь можно применить методологические подходы, изложенные в нашей монографии «Философия Олонхо».

© Кожевников Н. Н., Данилова В. С., 2024

© Kozhevnikov N. N., Danilova V. S., 2024

КОЖЕВНИКОВ Николай Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия. ORCID: 0000-0001-5823-8896. E-mail: nnkozhev@mail.ru

ДАНИЛОВА Вера Софроновна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, доцент по кафедре философии, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия. ORCID: 0000-0003-3201-0687. E-mail: nnkozhev@mail.ru

KOZHEVNIKOV Nikolay Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia. ORCID: 0000-0001-5823-8896. E-mail: nnkozhev@mail.ru

DANILOVA Vera Sofronovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia. ORCID: 0000-0003-3201-0687. E-mail: nnkozhev@mail.ru

Ключевые слова: методология; структурный подход; классификация; типология; генезис; исторический; мифологический; сравнительный; язычество; культура

Для цитирования: Кожевников Н. Н., Данилова В. С. Основания и компаративистский анализ русского эпоса. Эпосоведение. 2024, № 2. С. 67–76. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-2-67-76.

Kozhevnikov N. N., Danilova V. S.

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

Foundations and comparative analysis of the Russian epic

Abstract. The investigation of Russian folklore has not yet been fully institutionalized in literature, cinema, and theater. In Russian literature, for example, there are no novels about Koshchei the Immortal, Ivan the Prince, heroes of Slavic pagan culture and many other characters of this genre. Meanwhile, these are deep, colorful images organically integrated into an equally vivid context. Many great writers, such as Thomas Mann, have written about such gaps. The goal is to identify the main typological characteristics of the Russian epic, which, in our opinion, has been studied in this sense very one-sidedly.

The methodology is a comparative analysis of various approaches (mythological, historical, structural, etc.) closely interconnected with the characteristic features and structure of epics. At the same time, considerable attention is the harmonious combination of various motifs of the epic: heroes, Kalik-passers-by, epic time, pagan influences, hyperbolization, etc. An attempt is made not to accept, but to take into account various influences on such studies (pre-revolutionary, post-revolutionary, inspired by the Marxist approach, structural analysis, which began to be used in the study of Russian epic since the 1970s).

The Russian epic, thanks to a huge number of historical, social, and cultural connections, naturally interacts with the epics of the republics (union and autonomous) that were part of the former USSR, which opens up wide opportunities for comparative studies of various types. Paths are outlined for a comparative analysis of the Russian epic with the epics of the East Slavic peoples, as well as with the Yakut heroic epic *Olonkho*.

The authors' further plans involve continuing the study of Russian folklore in the genre of fairy tales and the field of culture of Slavic paganism. The first of them has been studied quite fully, but the structural and systemic approaches to research need to be further developed. The culture of Slavic paganism is a little-studied area where there are still no established approaches, and there are different points of view on many issues. Here you can apply the methodological approaches outlined in our monograph "Philosophy of *Olonkho*".

Keywords: methodology; structural approach; classification; typology; genesis; historical; mythological; comparative; paganism; culture

For citation: Kozhevnikov N. N., Danilova V. S. Foundations and comparative analysis of the Russian epic. *Epic studies*. 2024, no. 2. Pp. 67-76. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-2-67-76.

Введение

В русском фольклоре наибольший интерес представляют два основных жанра: сказки и былины как непосредственный эпос. Кроме того, к ним можно, на наш взгляд, добавить как направление фольклор славянского язычества.

Известна классификация эпосов. «Первый стадийный ряд – героико-архаический эпос, разновидности которого – якутское олонхо, бурятские улигеры, “Калевала”, “Нарты” и др. <...> их объединяет <...> связь с идеалами родового, догосударственного периода, тема борьбы с враждебными силами природы, “трудовые победы человека”. Второй стадийный ряд объединяет русские былины, “Манас”, “Алпамыш”, “Джангар” и т. д. Это уже “историзованные” богатырские поэмы <...>, несущие идеи самоутверждения народности, борьбы за независимость, против угнетения. Наконец, третий стадийный ряд <...> от ранних русских исторических песен до песен разинского, пугачевского циклов и др.» [1, с. 4].

Методология исследования представляет собой компаративистские исследования русского эпоса с другими эпосами, а также на их сравнение с мифами стран и народов мира как основание всего эпического наследия. Это прежде всего древнегреческий и индийский мифы,

для которых разработаны фундаментальные методы исследования, а также фольклор и эпос Великой степи, сохранившиеся в реликтовых этносах, переселившихся по великим сибирским рекам далеко на север или в горы. В качестве примера взаимодействия эпосов Великой степи и Древней Руси русские былины сравниваются с якутским героическим эпосом олонхо. Рассмотрено типологическое сходство в фольклоре и эпосе разных народов, которое может обусловлено миграцией этносов, типологическими схождениями либо генетической типологией.

Генезис былин

Источниками русских былин, по мнению многих ученых (дореволюционных и советского периода), традиционно считаются: исторический факт, народная праздничная обрядовая песня, народная сказка, припоминания, впечатления, историко-бытовые наслоения. Могут быть выделены и другие типологические основания, и соответствующие классификации.

Под историческим фактом понимается конкретное лицо или событие, однако вопрос этот сложен. Одно дело отразить факт и другое – обеспечить связь с ним. Здесь самым главным является установление связи факта и былины, анализ впечатления от исторического факта. «<...> чем старше былина, тем больше в ней открыт доступ вымыслу <...>, но чем она моложе, тем ближе её содержание к реальным фактам» [2, с. 11]. Исторические факты былин IX–XIII вв. связаны с борьбой с хазарами, печенегами, половцами, Византией. В самом конце этого периода появляются мотивы борьбы с татаро-монгольским нашествием.

Народная праздничная обрядовая песня – относится, прежде всего, к свадебному ритуалу. Огромное значение также имели обрядовые песни, ориентированные на величание, прославление. Здесь следует отметить два момента: 1) обряды остались в виде запево в начале былин или в начале отдельных сюжетных блоков, но это не связано с их предшествованием им; 2) эти запевы задают ритм былины, её метрику. Это имело и свои недостатки, поскольку такой ритмический каркас часто оказывался достаточно жестким и плохо варьировался.

Народная сказка часто была первична наряду с историческим фактом, но определение соотношения между ними зависело прежде всего от конкретного исследовательского подхода и от научной школы. Именно когда эти два начала находили друг друга, и возникал эпос. Это взаимодействие являлось трансформацией эпоса, как правило, с углублением в нем исторического начала.

Бытовые детали, основанные на припоминаниях, впечатлениях, переосмыслениях событий: исторических, обыденных, сакральных завершают этот «гобелен», ткнут былевой текст. В основном они служат дополнениями, украшательствами, разработкой основной линии самобытными яркими деталями.

Народная сказка далеко не везде служила основанием эпоса. В Древней Греции её вытеснил миф в его наиболее классическом виде. Сказки, прежде всего джатаки в их исходном качестве, широко распространены в Древней Индии, где они вобрали в себя и миф, и притчи, и необычайные фантазийные структуры, которые не использовал никакой другой народ. Здесь существует определенная взаимосвязь между фольклором олонхо и Индии.

Типология и структура былин

Исследование былин началось в XIX в., когда сложились основные научные школы: мифологическая, историческая, сравнительная. *Мифологическая школа* была ведущим направлением в русской фольклористике. Она сформировалась в 1860–80-е гг. в результате творческого переосмысления идей и методологии европейских мифологических школ (братьев Гримм, А. Куна, М. Мюллера и др.). Школа объединяла Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, О. Ф. Мюллера. К ней в той или иной мере примыкали И. А. Худяков, М. Г. Прыжов, П. Н. Рыбников, А. Н. Пыпин, А. А. Потебня. Школа понимала мифологию как средоточие народных мирозерцания и этических начал, считала их выражением «народного духа». Ученые школы пытались установить связь произведений народного быта и словесности: сказок, легенд, загадок, пословиц и др. с мифологией. Эти вопросы рассматривались в контексте фольклора славянских и других

народов Европы и Азии. Они открыли мифологию в России как важнейшее явление культуры и цивилизации.

Историческая школа русского фольклора опиралась на исторические события, лежащие в основе фольклора и эпоса. Её основатель В. Ф. Миллер продолжил традицию европейских школ соответствующей направленности. Они, прежде всего исследовали письменность и географию русских эпоса и фольклора, собрали и систематизировали огромный материал. Они стремились доказать, что былины возникли в княжеско-дружинном кругу. Поэтическое содержание эпоса этой школой фактически не исследовалось. Многие авторы отмечают, что знатоки былин из провинции, приезжая в города, описанные в них, искали знаковые места, упомянутые в текстах, в полной уверенности в их существовании.

Историческая канва русского эпоса достаточно достоверна. Здесь фантазийный элемент выражен гораздо слабее, чем, например, в фольклоре Индии или Передней Азии. Слишком много сил отнимала реальная жизнь в трудной окружающей среде, что обусловило развитие прагматичных элементов эпоса, таких как собиранье дружины против врагов, выстраивание отношений с властью, князьями и т. п.

Сравнительная школа, основанная на теории заимствования, возникла в середине XIX в. в Германии (основатель Т. Бенфей). В русской фольклористике она оформилась в конце XIX в. Наиболее видные представители В. В. Стасов, А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, Ф. В. Миллер, И. Е. Тимошенко. Основная задача – сравнительное изучение фольклора и эпоса по всем возможным их характеристикам. Поэтические произведения рассматривались ими вне национальной основы и ее истории – например, выявлялись параллели между византийскими и славянскими пословицами.

Кроме того, фольклор и эпос рассматривались многими поэтами, писателями, собирателями, среди которых следует упомянуть А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, Л. Н. Майкова, П. В. Киреевского, К. С. Аксакова, И. Н. Жданова, А. М. Лободу, М. Г. Халанского, П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга и мн. др. В 30–60-е гг. XX столетия возникли новые подходы. Здесь интерес представляют работы В. Я. Проппа, А. И. Никифорова, М. М. Плисецкого, Д. С. Лихачева, П. Г. Богатырева, Е. И. Дергачевой-Скоп, Р. С. Липец. Начиная с 1970-х гг. эти проблемы активно исследовались Е. М. Мелетинским, Б. Н. Путиловым, В. П. Аникиным, А. П. Скафтымовым и др.

Сравнение мифа Древней Руси и Древней Греции позволяет выявить основные области взаимодействия между ними. Основным подсистемами классического мифа (Древние Греция и Индия) были Небо, Астральная область, Солнце, Воздушный промежуток, Земля. Астральная область и в значительной степени Небо нашли слабое отражение в русском эпосе. Они не стояли над головой жителя Древней Руси, как это имело место в южных странах. Плоские крыши храмов Египта, Передней Азии, на которых жрецы и волхвы проводили ночи в своих мистериях или пески пустыни, служивших постелью путникам, делали небо им близким и хорошо знакомым. На севере зимы холодны, небо далеко и достаточно чужое. Зато Земля, Солнце, Воздушный промежуток воспеты народами Евразии в их мифах в полную силу. Частично это относится и к былинам, где прежде всего воспевается земля. «Не бейся и с родом Микуловым: / Его любит матушка сыра-земля». Многие богатыри, например, Святогор не могут поднять сумочку Микулы Селяниновича. «Что это у тебя в сумочку наложено?... В сумочке у меня тяга земная» [3, с. 31].

Небо (Тенгри) было основным элементом мифов народов Великой степи. Это было божество, которому многие этносы этого региона поклонялись в течение тысячелетий.

Среди героев былинного эпоса обычно выделяют 1) древнейшие образы, 2) главные образы, 3) героического цикла, 4) киевского, 5) новгородского, 6) былины-скоморошины и т. д. Открытие русского эпоса началось с издания «Сборника Кирши Данилова» (1808 и 1818 гг.). Затем последовали издания П. В. Киреевского (1848) и П. Н. Рыбникова (1861).

Основные характерные черты и структура былин

Былины в отличие, например, от сказок малособытийны, что подчёркивает их близость к историческим фактам [4]. *Зачин-завязка*, в качестве которого обычно выступает: а) пирование; б) выезд богатыря, например, Добрыня Никитич выезжает из Рязани; в) нашествие врагов на русскую землю. Здесь иногда используются *запевы*, ориентированные на формирование торжественного настроения слушателей. При этом используется любование природой или перечисляются реки, города, что должно означать принадлежность последующего действия Руси. *Развитие действия* – всегда связано с главным героем, концентрируется вокруг него. Темы могут быть одни и те же, но если богатыри разные, то развитие сюжета идет различными путями. *Кульминация* – описание схватки героя и его врага. «Богатырям все удастся удивительно легко. Сильнейшие противники одолеваются ими шутя без напряжений. В описании боя нет элемента борьбы как будто противник не сопротивляется» [5, с. 15]. Слушателям и так было ясно, кто победит, поэтому рассказчик и не тратил на это время. *Развязка* – побежденного врага привозят князю. Он, или проявляет свою злую мощь как Соловей-разбойник и потом погибает, либо полностью униженно признает свое поражение. Иногда былины заканчиваются *исходами* – рассуждениями о длительности сказания данной былины, её исторической достоверности и т. п.

Ясность исхода битвы характерная черта русского эпоса, тогда как, например, в олонхо борьба идет долго, месяц и более и все висит буквально на волоске и невероятным напряжением сил богатырь все-таки побеждает. Так конечно гораздо интереснее и поэтичнее. Такой подход вообще присущ реликтовым эпосам Великой степи, например, алтайскому. В олонхо место битвы несколько раз меняется, и есть понятие «предел богатырства» [6, с. 26] – богатырь должен быть испытан во всех возможных видах борьбы.

Эпическое время

«Былина <...> переносит свое действие в своеобразное “эпическое время” – Новгород, ко двору князя Владимира и так далее. Русские герои воспроизводят мир социальных отношений и историческую обстановку именно этого времени...» [7, с. 56]. П. В. Киреевский ровно за сто лет до этой цитаты писал, что «народ как отдельный человек, в счастливые эпохи внутренней тишины <...> бывает доступнее для впечатлений глубоких и прочных, нежели в эпохи бурных торжеств или ожесточённой борьбы» [8, с. 14]. Таким образом происходила трансформация в изложении исторических событий и их поэтическом осмыслении. Самые яркие былины относятся к «Владимирову циклу» [9], т. е. связаны с княжением Владимира Святославовича киевского (978–1015). Русский эпос черпал свои силу и вдохновение в киевской эпохе, хотя там тоже все было не просто. С одной стороны, были внешние враги, нашествия, богатыри стояли на заставах, регулярно вступали в битвы. С другой стороны, внутри общества шла беспощадная борьба между язычеством и христианством. Владимир Святославович лично сам оказался в её гуще. В 980 г. он «постави кумиры на холму вне двора Теремного. Перуна деревяна, а главу его серебряну, а ус злат» [Цит. по 10, с. 9]. А всего через восемь лет он спустит их в Днепр. Однако несмотря на эти проблемы Русь стояла незыблемо, развивались культура, общественные отношения, что было несоизмеримо с трагедиями последующих эпох.

Языческие мотивы

Они несомненно присутствовали и даже наверняка превалировали в сказаниях IX–XII вв. После крещения Руси с ними началась борьба, которая заняла века. Многие былины, сказки и другие фольклорные жанры дают некоторое представление об этой культуре, о религии, точнее вере волхвов, но жернова последующих идеологии и религии оставили крупинцы от этих преданий, так что огромный пласт культуры представляет собой в настоящее время «черную дыру», которую пытаются реконструировать. Благодаря этой отшлифовке в былинах сформировались исключительно устойчивые сюжеты, обладающие в то же время свежестью и непосредственностью.

Несмотря на то, что взаимодействие с Великой степью имело место через враждебные племена, лучшее в этой культуре воспринималось в том числе и через эпос. Например, толерантность к религиям и конфессиям, присущая многим правителям Великой степи. Несмотря на ожесточенность пограничной борьбы Древней Руси, в её городах жило много чужестранцев со своими обычаями и религией. Здесь прослеживается взаимное воздействие культуры этносов Великой степи и Древней Руси. Важнейшим отличием поединка богатырей является отличие исходных мотивов. В русском эпосе это прежде всего защита отечества, в олонхо – месть за похищенную сестру или жену.

Главные герои

Главной силой, авторитетом в эпическое время были отнюдь не князь, а богатыри и духовные лидеры, которыми обычно выступают «калики-перехожие». Князь наказывал богатырей, сажал их на долгие годы в *пору́ба* глубокие и холодные, но он же униженно просил их о помощи, когда на Русь надвигается полчища завоевателей. Богатыри, помня прежние обиды, часто отказывают ему или соглашаются после традиционных для былин троекратных просьб, или же соглашается только один Илья Муромец, который все равно побеждает врагов.

В былинах народная версия о значении героев противопоставляется официальной княжеской. Князь «в народном сознании вообще никогда не был героем, в эпосе нет ни одной былины, посвященной ему, его прославляющей. Он только действующее лицо, причем далеко не всегда положительное» [11, с. 24]. Князь Владимир часто просит других богатырей через Илью Муромца и Добрыню Никитича (дядя князя). Им часто удается уговорить обиженных князем богатырей помочь ему в трудную минуту.

В русском эпосе мало героев, как правило, один, и нет описания его портрета. Пейзаж также не описывается, просто упоминается, характеризуя, например, путь героя. Красоты природы находятся за пределами эпического повествования.

Калики-перехожие

Калики-перехожие – вторая, после богатырей основная группа героев былин. Это традиционные вестники, которые всегда помогают богатырям, оказываясь в нужное время в нужном месте. Они сумели оздоровить Илью Муромца, меняются одеждами с ним и с Алешей Поповичем, для того, чтобы первый мог пройти незнанным в Царьград, а второй – выйти на бой с Тугариным. Калики всегда кого-то спасают и в случае необходимости могут применить свою богатырскую силу. Калика-богатырь, Иваницо – это уже конкретные богатыри среди калик, с первым из которых даже Илья Муромец избегал сражений. Калики известны своими духовными стихами, создававшими определенные этические нормы. Их авторы Дмитрий Солунский, Алексей человек божий, Аника-воин являются в народном сознании духовными столпами. Они значат для народа ничуть не меньше былинных богатырей.

Подобные мудрецы, преимущественно из простого народа, есть в подавляющем большинстве мифов и эпосов. Например, в олонхо это Сээркээн Сэсэн – четвертый сын Юрюнг Айбы Тойона. Он предсказатель судеб мира, часто живет как отшельник, помогая богатырям советом или действием.

Этапы формирования былинных образов

1) Древнейшие – Святогор, Вольга, Микула Селянинович и др.; 2) период главных герев; 3) героический цикл – Суровен Суздалец, Василиса Микулична и др.; 4) киевский период; 5) новгородский период; 6) скоморошины – Щелкан Дудентьевич, Вавило, Ненила (его мать). «События классической былины происходят всегда на Руси. События сказки могут локализоваться “в некотором царстве”, “в некотором государстве”» [11, с. 248].

Специальные приемы

Это, прежде всего противопоставление (контраст), гиперболизация, диалоги, повторы. Богатырь часто представляется обычным человеком, его невероятная сила не видна. В то время как противник имеет огромные размеры, много есть, много пьет и т. д. Гиперболизуется сила

богатырей и их противников, численность войска врагов, размеры дани. Иногда именно в диалогах содержится драматизм ситуации – резкий поворот, обретение героем своей силы или позиции. Повторы бывают двукратными, чаще трёхкратными и имеют назначение сделать акценты на излагаемой ими мысли или событии. Загадки, поговорки также использовались для подобных целей.

Дискуссия

На наш взгляд, в былинах раннего периода (IX–XIII вв.) исторический факт и его поэтическая интерпретация настолько тесно переплетены, что разделить их невозможно. Акцент на историческом факте присущ марксистской исторической школе, считающей основной движущей исторической силой народные массы, а не личности. Исторические факты в эпосе причудливо интерпретированы. Так под Соловьем-разбойником одихмантьевым сыном подразумеваются внешние враги, перегораживающие пути вдоль Волги и Дона, победить которых было невероятно трудно, в чем и усомнился князь Владимир, в грубой форме выразив Илье Муромцу своё недоверие.

Былины раннего цикла являются самыми светлыми во всем русском эпосе. Это было время устойчивого существования русского государства, хотя проблем и внешних, и внутренних было много, но не столь критичных, как в последующие века. В 20–30-х и 60-х гг. XX столетия основные споры велись вокруг возможностей использования опыта и методологий дореволюционных ученых, в первую очередь представителей мифологической и исторической школ. При этом были проведены и свои оригинальные исследования, связанные, прежде всего, с развитием отдельных положений исторической школы в её марксистской интерпретации. Развивался компаративистский анализ между различными эпосами и фольклорами

Начиная с 1970-х гг. бурно развивается структурный анализ русского эпоса. Это вполне целесообразно, поскольку русский эпос прост, имеет вполне определенные сюжетные блоки, устойчивые связи между ними, что позволяет сформировать общую его структуру. При этом предлагается много конкретных формул, развиваются уже известные, введенные ранее К. Леви-Строссом, А. Н. Веселовским, В. Я. Проппом, Е. М. Мелетинским и др. Б. Н. Путилов в рамках этого направления рассматривал мотив как сюжетобразующий элемент, а сюжет как «комбинация мотивов», «комплекс мотивов» [12]. Следует отметить, что в значительной степени это повторяет аналогичные идеи и определения А. Н. Веселовского. В «славянском эпосе выделяются мотив-*ситуация* (пир в княжеском дворце, царская или княжеская трапеза и пр.), *мотив-речь* (монолог, диалог, реплика, письмо), *мотив-действие* (“динамические отрезки сюжета”). К этим типам присоединяются *мотивы-описания* и *мотивы-характеристики*» [2, с. 106]. На наш взгляд понятие «эпическая формула» – более четкое и строгое понятие, чем мотив, но применительно к русскому эпосу такой выбор вполне правомерен.

Типические (общие) места

Наиболее подробно этими вопросами занимались Ю. И. Смирнов, Б. Н. Путилов, В. Я. Пропп. Ю. И. Смирнов отмечает широчайшее распространение этих мест в былинах. «Типические места составляют от 20 до 80 % всего текста былин» [13, с. 47]. Многие исследователи «отмечали рост удельного веса типических мест, сравнивая записи XVIII, середины XIX» [13, с. 47] и более поздних времен. По-видимому, сказители сознательно стремились к такому отбору, как наиболее яркой интерпретации эпических сказаний.

Много типических мест связаны с князем Владимиром. «Ласковый Владимир стольно-киевский» [3, с. 33], Владимир красно солнышко. А также с Ильей Муромцем: «Из того ли-то из города из Мурома, / Из того села да с Карачарова» [3, с. 38].

Поэтика былин

Эти проблемы в филологическом контексте подробно исследовал Ф. М. Селиванов [15]. Он рассмотрел былинку как художественную целостную систему, а методологию свел к компаративистским исследованиям между различными былинами, их циклами, периодами и характерны-

ми чертами, ими обусловленными. Ф. М. Селиванов исследует композицию былин в ее связях с фольклорной традицией, с исторической действительностью, с эстетикой эпического повествования. Он ввел понятие пространственно-временной позиции и доказал, что сравнения в былинах встречаются в 4–5 раз чаще, чем отрицательный параллелизм, тогда как, например, В. Я. Пропп утверждал, что отрицательный параллелизм используется чаще [15].

Различные типы схождения при сравнении русского эпоса с другими эпосами

Традиционно такое сравнение было сделано применительно к древнегреческому эпосу. «Простонародные песни нынешних греков с подлинником. Изданные и переведенные в стихах, с прибавлением введения, сравнения их с простонародными песнями русскими и примечаниями» [16]. Такое название дал «Илиаде» её переводчик Н. И. Гнедич. В России к Древней Греции всегда был значительный интерес и напрямую, и через Византийскую культуру. В фольклоре разных народов типологическое сходство может быть трех родов: в результате миграции, типологических схождения, генетической типологии [17].

Русский эпос благодаря огромному количеству исторических, социальных, культурных связей естественным образом взаимодействует с эпосами республик (союзных и автономных), входивших в бывший СССР, что открывает широкие возможности для компаративистских исследований. Кроме того, русский эпос генетически связан с эпосами восточноевропейских стран. В итоге он может рассматриваться как своего рода мост между всеми этими эпосами, так же, как и теоретические положения, разработанные применительно к нему (генетическая типология). Если сравнивать русский эпос с якутским олонхо (типологические схождения), то можно отметить, что последнее более разнообразно по стилям и текстовому оформлению. В олонхо поражает обилие эпитетов, прилагательных, которые характеризуют героя, утварь, боевое снаряжение растягиваются иногда на полстраницы текста. В знаменитой былине «Садко» каждая строка начинается с «А» или с «Ай» – «А как ведь во славном в Новеграде / Ай как был Садко до гусельщик от...» [3, с. 52]. И так все пятнадцать страниц. Довольно однообразно, тогда как в олонхо все запевы, начала, повторы, формулы (общие места) постоянно варьируются.

У русского эпоса сохранились типологические схождения с фольклором и эпосом реликтовых остатков великих этносов Великой степи. Многие артефакты сохранились как элементы культур, которые унесли с собой остатки племен Великой степи, сплавившихся по сибирским рекам далеко на север, или укрывшись в горах. По ним сохранным в фольклоре, героическом эпосе, искусстве мы можем сегодня сформировать представления о мировоззрении и религиях этих этносов.

Заключение

Исключительно важно изучать все существующие эпосы, поскольку это один из ключей к существующим культурам и самое главное к коммуникациям между ними. Многие позднейшие наслоения и надстройки культур плохо взаимодействуют друг с другом. Эпосы же опираются на коллективное бессознательное, архетипы и имеют тенденции к единому фундаментальному основанию. Таким образом фольклор и его основные жанры следует рассматривать как важнейшее основание современных культур и современных коммуникационных стратегий.

Русский эпос изучен достаточно подробно, но его институционализирование в литературу, искусство, науку, образование, культуру России и других евразийских народов продолжается. Томас Манн писал, что в русской литературе нет, например, романов о Кошце Бессмертном, Иване-царевиче, героях славянской языческой культуры и многих других персонажах этого жанра. Между тем для этих глубоких колоритных образов существует не менее яркий контекст, в который они органически вписаны. Следует отметить яркую попытку П. П. Ершова создать цикл литературных произведений об Иване-царевиче, но все ограничилось «Коньком-горбунком». В последнее время эти пробелы пытается восполнить кино.

Выявление основных типологических характеристик русского былинного эпоса поможет процессам его институционализации в литературу и образование. Углубит его связи с эпосом и фольклором других культур на основе компаративистской методологии их основных характеристик.

Литература

1. Гацак, В. М. Типология народного эпоса. – Москва : Наука, 1975. – 326 с.
2. Аникин, В. П. Теоретические проблемы историзма былин в науке советского времени (выпуск 3). – Москва : Изд-во МГУ, 1980. – 120 с.
3. Героический эпос народов СССР. Т. 1 / составитель : А. А. Петросян. – Москва : Художественная литература, 1975. – 559 с. – (Библиотека Всемирной литературы).
4. Лазутин, С. Г. Поэтика русского фольклора. – Москва : Высшая школа, 1981. – 221 с.
5. Скафтымов, А. П. Статьи о русской литературе. – Саратов : Саратовское кн. изд-во, 1958. – 389 с.
6. Ойунский, П. А. Якутская сказка её сюжет и содержание. – Якутск : Сайдам, 2013. – 96 с.
7. Лихачев, Д. С. Эпическое время русских былин // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия : сборник статей. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 55–63.
8. Киреевский, П. В. Вступление к бытовым песням // Московский сборник. – Москва : [б. и.], 1852. – С. 1–68.
9. Майков, Л. Н. О былинах Владимирова цикла. – Москва : Нобель Пресс, 2011. – 141 с.
10. Калугин, В. И. Мир былинного эпоса // Былины. – Москва : Современник, 1986. – С. 5–28.
11. Пропп, В. Я. Русский героический эпос. – Москва : МИФ, 2023. – 800 с.
12. Путилов, Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI вв. – Москва ; Ленинград : Изд. АН СССР, 1960. – 300 с.
13. Смирнов, Ю. И. Славянские эпические традиции – Москва : Наука, 1974. – 261 с.
14. Селиванов, Ф. М. Поэтика былин в историко-филологическом освещении: композиция, художественный мир, особенности языка / редколлегия : Е. А. Гулыга, В. А. Ковпик, А. В. Кулагина (ответственный редактор). – Москва : Круг, 2009. – 310 с.
15. Простонародныя песни нынешних греков. С подлинником / Издание и перевод в стихах, с прибавлением введения, сравнения их с простонародными песнями русскими и примечаний Н. Гнедичем. – Санкт-Петербург : Изд-во Николая Греча, 1825. – XLI, [52] с.
16. Аникин, В. П. Теория фольклора. 2-е издание, дополненное. – Москва : Книжный дом Университет, 2004. – 432 с.
17. Былины // Героический эпос народов СССР в 2 т. Т. 1. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 52–66. – (Библиотека Всемирной литературы).

References

1. Gatsak, V. M. Typology of folk epic. Moscow, Nauka Publ., 1975, 326 p. (In Rus.)
2. Anikin, V. P. Theoretical problems of historicism of epics in the science of Soviet times (issue 3). Moscow, Moscow State University Publ. House, 1980, 120 p. (In Rus.)
3. Heroic epic of the peoples of the USSR. V. 1. Moscow, Publ. House of fine literature, 1975, 559 p. (In Rus.)
4. Lazutin, S. G. Poetics of Russian folklore. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981, 221 p. (In Rus.)
5. Skaftymov, A. P. Articles about Russian literature. Saratov, Saratov Book Publ. House, 1958, 389 p. (In Rus.)
6. Oyunsky, P. A. Yakut fairy tale, its plot and content. Yakutsk, Saydam Publ., 2013, 96 p. (In Rus.)
7. Likhachev, D. S. Epic time of Russian epics. In: To Academician Boris Dmitrievich Grekov on his seventieth birthday: collection of articles. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1952, pp. 55–63. (In Rus.)
8. Kireevsky, P. V. Introduction to everyday songs. In: Moscow collection, Moscow, 1852, pp. 1–68. (In Rus.)
9. Maikov, L. N. About the epics of the Vladimir cycle. Moscow, Nobel Press, 2011, 141 p. (In Rus.)
10. Kalugin, V. I. The world of epic bylinas. In: Bylinas. Moscow, Sovremennik Publ., 1986, pp. 5–28. (In Rus.)
11. Propp, V. Ya. Russian heroic epic. Moscow, MIF Publ. House, 2023, 800 p. (In Rus.)

12. Putilov, B. N. Russian historical and song folklore XIII–XVI centuries. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1960, 300 p. (In Rus.)
13. Smirnov, Yu. I. Slavic epic traditions. Moscow, Nauka Publ., 1974, 261 p. (In Rus.)
14. Selivanov, F. M. Poetics of bylins in historical and philological interpretation: composition, artistic world, features of language. Editorial board: E. A. Gulyga, V. A. Kovpik, A. V. Kulagina (editors-in-chief). Moscow, Krug Publ., 2009, 310 p. (In Rus.)
15. Common folk songs of today's Greeks. With the original. Edition and translate in verse, with the addition of an introduction, comparing them with Russian folk songs and notes by N. Gnedich. Saint Petersburg, Nikolai Grecha Publ. House, 1825, XLI, [52] p. (In Rus.)
16. Anikin, V. P. Theory of folklore. 2nd edition add. Moscow, Book house University, 2004, 432 p. (In Rus.)
17. Bylinas. In: Heroic epic of the peoples of the USSR in 2 volumes. Vol. 1. Moscow, Publ. House of fine literature, 1975, pp. 52–66. (In Rus.). (Library of World Literature).